

Мы кажемся...

Иоланта
Сержантова

Иоланта Ариковна Сержантова

Мы кажемся...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61551008

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-00140-615-0

Аннотация

Сборник историй, притч, новелл и эссе о природе, и войне, которая оставляет следы на сердце даже у тех, кто о ней слышал только по рассказам. Рекомендовано для внеклассного чтения по программе "Окружающий мир", "Этика", русский язык и литература.

Фото и дизайн обложки – Иоланта Сержантова

Содержание

Мы кажемся взрослыми	4
Наташка	6
Шурик	9
Цвет счастья	13
Надежда	16
Геккон	19
Сливки	22
Андрей	25
Старушка и земляная лягушка	30
Жизнь на колёсах	33
II	36
III	37
Если бы каждый...	38
Черепашка	41
Мотя	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мы кажемся взрослыми

– Давай, завтра?

– А почему не теперь? Где гарантия того, что оно наступит, это твоё «завтра».

– Почему это моё?

– Ну, или моё!

Небо красиво сердилось и хмурилось с самого утра, а потом, когда показалось что оно уже спокойно, вдруг включился солнечный свет, и открылся кран, там, повыше, куда не дотянуться. И посыпалась вдруг вода, – захрустела, зашуршала, зачмокала...

Когда происходит что-то яркое, хорошее, вроде такого же вот дождя, или птица подпустит неожиданно близко, словно хочет поделиться чем-то сокровенным, – тогда думается о том, что есть люди, которым об этом уже не рассказать.

Вспоминая их с благодарностью, чувствуешь, как чуть правее того места, откуда сердце пытается достучаться до тебя с самого рождения, открывается небольшая воронка, в которой исчезают души тех, без которых ты был бы иным. Хуже, лучше, – то неважно. Просто – не таким, каков ты теперь, в этот самый миг.

И ты понимаешь вдруг, часто почти впустую, что не надо откладывать ничего на потом, а нужно радовать и радоваться

сейчас, пока есть ещё вероятность услышать знакомый голос после длинных гудков. Не отсрочивать на завтра ни встречу, ни взгляд в небо... Только если ты чувствуешь, что это в самом деле необходимо. Если без того не обойтись никак, ни тому, не тебе.

У жизни есть некое ограничение на приятия, взгляды и отношения. Исчерпав свою норму, ты перестаёшь выделять лицо из толпы, не можешь уловить то, особое выражение глаз, по которому только и возможно узнать своего человека.

И, если... когда это случится, ты окажешься безумно, безраздельно, трагически одинок, ибо все мы – маленькие испуганные жизнью дети, а взрослыми только кажемся, на первый взгляд.

Наташка

Наташа была чудесной девчонкой. В тот день, когда она пришла записываться в секцию, так назывались группы для занятий разными видами спорта с ребяташками, я возненавидел её и полюбил. Эти два чувства родились близнецами, с промежутком в единственную фразу и один только взгляд. Да, так бывает. В минуту, когда появился на свет характер этой необычной девочки, я будто бы наткнулся на каменную стену. А всего-то, – она ответила категоричным отказом на предложение надеть чужую (чистую!) спортивную форму, так как забыла дома свою.

Вообще-то говоря, девчонок я не жаловал, и терпел их присутствие в команде по необходимости. Принимал их не больше минимально необходимого числа, и по возможности мужеподобных. Обычные намного хуже справлялись с нагрузками, ныли и куксились. Их результаты сильно зависели от настроения, которое зависело не только от погоды, но и от такого количества факторов, учесть которые я был иногда просто не в состоянии. И не от того, что не видел их, но просто-напросто, уже был не в силах им потакать.

Поэтому, сильное, чёткое, не вызвавшее сомнений «нет», сказанное девчонкой, заставило меня обратить особое внимание на Наташу.

Круглая отличница, она не пропускала ни единой тренировки, все задания выполняла, что называется, «ноздря в ноздю», а дома убирала, готовила, и ещё умудрялась лепить из пластилина характерные, точные, легко узнаваемые миниатюры людей и животных. Она была трудолюбива, упорна, талантлива во всём, за что только не бралась и надёжна, как земля, на которой стоит наш мир...

По сию пору я мучаюсь вопросом – как, когда и почему я проворонил её.

Она не ушла к другому тренеру, предательство не было в её характере. Она просто... ушла. В какой-то момент нашлись люди, которые убедили её в том, что жизнь не так прекрасна, как кажется, что люди, причастные к её появлению на свет, – самые главные враги, и единственный выход обрести спокойствие и счастье, это добровольно и как можно скорее покинуть этот мир.

Совершенно не имеет значения, как всё произошло, для других это всегда чужое, любопытное и неважное так, как безмерно значительно любое своё. Но Наташка была педантична во всём, готовилась упорно, тщательно и исполнила навязанную ей волю. Не с первой попытки, но...

В ту пору я был молодожёном, слегка отстранённым ото всего, кроме своего счастья. Однажды, прогуливаясь с бере-

менной женой, мы встретили отчима Наташки. Когда я поинтересовался у него беззаботным голосом «Как она там?!», и услышал, что «Наташу уже похоронили», был придавлен этим к земле. Мне стало страшно.

День за днём я вспоминал свои не слишком упорные попытки вернуть Наташку к её обычному весёлому и одновременно собранному состоянию. Я чувствовал себя виноватым. Я был им! Проходили недели, месяцы, я не переставал казнить себя и не находил себе места, пока однажды она не явилась ко мне во сне.

Она шла по мягкому зелёному ковру травы босиком. Загорелые её ноги не были, против обыкновения, искусаны комарами. Наташа улыбалась светло и ясно, приветливо махала рукой, а сказала только одно, то, что я хотел от неё услышать: «Не волнуйся, мне хорошо!»

...Наташка...

Шурик

Куриные гузки груш. Скрещенные барабанные палочки голых стволов ясеня. Им не хватило места, чтобы вырасти, соседи теснили их друг к дружке дюжинами лет... Пройденные года не измеряют ими? Разве? А какая разница, если они всё равно уже прошли.

– Шурик! Шу-у-урик!

– Ау-у-у!

– Привет! Откуда ты знал, что это я кричу?

– Вот, смешная! Да Шуриком меня называешь только ты!

Поцелуемся?

– А то!

– Слушай, я тут подсчитала, сколько мы знакомы... Жуть кошмарная!

– Ага! Столько не живут! – И он засмеялся. Искренне, сердцем. Да так горько, из-за того, что иные не прожили меньше, чем мы знали о них...

– Знаешь, я часто вспоминаю, как ты убедительно доказывал свой принцип...

– О дружбе?

– Угу. «Беги на помощь, не раздумывая, а только потом

спрашивай, зачем».

– Мд-а... Было дело.

– Ладно тебе, люди не меняются.

– Меняются, поверь мне.

– Мы ненормальные, да?

– Да нет, как раз наоборот.

Еду в гости, рядом с остановкой, сытыми заплесневелыми мхом кабанчиками, спят арбузы. Выбираю самый большой, едва могу обхватить его руками и тащу. Он приятно похрустывает там, в глубине, а я слышу, как грызёт меня грусть, стекает на землю вместе с арбузным соком.

– Ого! Ничего себе! Ты думаешь, у нас нечего поесть? – Шурик удивлён, рад и расстроен. С одной ногой ему такой уже не донести.

– Знаешь, когда ногу отняли, первый раз пошёл сам в туалет, не смог удержать равновесие и упал на спину. Лежу, смотрю в потолок и думаю: «Эх...»

– Шурка, не грусти! – Кидаю в него снежком сочувствия и чуть не плачу от боли сама.

Мы садимся рядом и, не обращая внимания на окружающих, дорогих нам людей, спускаемся в пахнущие перебродившим виноградом подвалы воспоминаний, где, убаюканные звуками собственных голосов, сильны, как никто и ни-

когда, играем стеклянным шаром жизни, смеёмся дерзко, роняем его нарочно и подхватываем, близко от острого камня... Мы забавлялись ею тогда, а не наоборот, как она нами теперь.

– А помнишь, – спрашиваю я почти с испугом от того, что ты мог позабыть.

– Помню, – успокаиваешь меня ты.

Как-то раз, когда я привезла книжек в подарок, Шурка попросил подписать их. На нарочито весёлый от смущения вопрос: "А оно тебе надо?!", он серьёзно ответил: "Надо", – и вручил ручку... чёрного цвета. Глядя на чёрное, отчего-то стало нехорошо на сердце. Ручка же просто не желала оставлять следы на бумаге, и после нескольких попыток расписать её, выгнулась дугой, как-то слишком уж очевидно противясь, ловко вывернулась и проткнула самый центр ладони, поставила чёрную точку. Она там по сию пору.

За неделю до того, как Шурка ушёл насовсем, он позвонил и начал задавать вопросы о людях из нашего общего прошлого. Предупредительно хохоча друг другу в ухо, говорили о ерунде, хотя в самом деле просто проверяли, прежние ли мы, вместе ли, не обманула ли нас юность, с теми ли свела... Уверившись, что всё на своих местах, договорились, что я приеду, позавтракаем вместе.

– Ты, знаешь, только не очень рано, ладно? А то я сплю

долго, ибо ложусь поздно, рано утром!

– Ладно, Шурка, спи, – согласилась я, нажала «отбой» и заплакала...

Через три дня после того, что случилось, на подоконник прилетел птенец и пробыл там с вечера до утра. Птенец хромал, на ту же ногу, что и Шурка.

* Теперь я точно знаю – это был он.

Цвет счастья

Юный дрозд купается на мелком месте. Листья кувшинки сложились широкими ступенями. Ножки птенца скользят и разъезжаются по ним. В порывах всплесков видны чисто вымытые розовые пяточки и белые ноготки. Ему и боязно свалиться в глубину, и весело от прохлады, и томит нега от солнышка, что успеваешь согреть водичку...

До чего ж хорошо! Так в детстве оно всё славно, коли так. Всё неосознанное, милое, – тоже оттуда. Лоскут музыкальных фраз и кисея аромата, послевкусие или сочетание цветов, шорох карандаша по бумаге, длинные крошки резинки, подмявшие собой неловкий рисунок, который был так хорош, пока не переступил порог блистающего мира фантазии, не тронул шершавую щёку альбомного листа.

– Ой! Тётя! Тётечка! Спасибо!!! – Я не верил своим глазам, – в двух прозрачных коробках передо мной лежали дивный пенал коричневой кожи на замочке и набор пузатых фломастеров, будто бы выпавших из-за рамки рисованного мультфильма или сказки. Пенал был полон: ручки, карандаши, ластик со сладким запахом пенки вишнёвого варенья, прозрачная линейка. А крепкий дух фломастеров мог заменить собой прогулку в парке, или детский киносеанс, или даже новую книжку. Прогулка и перечисленное после ско-

ро закончились бы, а подле этих дивных фломастеров любая радость казалась поистине бесконечной.

– Смотри, как их правильно раскладывать, – привычно легко учила меня тётя, – Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

– А что это за считалочка, тётечка? – сияя спрашивал я, и внимал продолжению её рассказа:

– А смотри-ка сюда, видишь, – слово «каждый» начинается с буквы «ка», так же, как и красный цвет, поэтому мы его кладём первым, затем идут оранжевый, жёлтый...

– Здорово! Знаю! Понял! Потом зелёный, голубой, синий и фиолетовый! Правильно же?!

– Правильно, – отвечает тётя и интересуется, какой цвет мне нравится больше других.

Я отвечаю, почти не думая:

– Синий! Голубой!

– Да? – Озабоченно оглядывая племянника переспрашивает она. – А почему не красный или зелёный? Нет, синий и голубой тоже красивые цвета, но всё же...

Немного подумав, я говорю о том, что мне нравится голубое небо и синее море, и что, когда я вижу и то, и другое, мне становится спокойно...

– ...и я чувствую себя счастливым! – Добавляю я, смущаясь немного.

Тётя обнимает меня крепче, чем обычно, и я понимаю,

что ей вдруг стало меня из-за чего-то жаль. В попытке доискаться причин, с тревогой заглядываю ей в глаза:

– Тёточка! Я что-то не так сказал?

– Нет-нет, ты всё сказал правильно, да и не могло быть тут неверного ответа. Он таков, каков есть, хотя я... я бы пожелала тебе полюбить и другие цвета.

Много позже я узнал о том, что синий и голубой нравится тем малышам, которые не чувствуют маминой любви. Это не значит, что её нет, просто они не слышат её ни сердцем, не ушами, не умеют понять той степени приязни, которую не может высказать им мать, вследствие ли чрезмерной озабоченности или строгой, полной боли и страха ответственности за них.

Цвет счастья. У каждого он свой. У птенца дрозда – зелёный, в тон надёжного листа кувшинки, а у меня же – по-прежнему голубой, под цвет высоких стройных небес, что смотрятся в старинные зеркала морей, обратная сторона которых всегда волниста и черна.

Надежда

Вечер.

Барабанная дробь... И в манеж, приветственно подняв правую руку вбегает она. Мне, неуклюжей и громоздкой, с горами мяса вместо ног и неприличным жирком на том месте, где у других девиц талия, неловко, но любопытно наблюдать за девушкой, уменьшенная до дюйма копия которой давно восхищается свет.

Эх, где ж теперь искать Герцога¹, чтобы он, с искомой степенью важности, окутав торжественной волной завораживающего тембра почтеннейшую публику, передал ей своё волнение и сдержанно возвестил двумя простыми, на первый взгляд, словами:

– Воздушная... гимнастика...

И столь воздуха в этом, вдоволь изящества, лёгкости...

Прислушиваясь ко вздохам людей, быть может, впервые в жизни позабывших себя, я чувствую, как горячие слёзы стекают по холодным щекам. Мне не видно, но знаю – как там, наверху, – от натуги похрустывает челюсть, и, через подушку мозоли на затылке, до красноты в глазах ноет лоб. Нелегко стенать с равнодушным лицом. И радостно от пробудив-

¹ Владимир Евсеевич Герцог – неповторимый гениальный шпрыхсталмейстер

шегоя в зрителях сострадания, из-за которого утирают они покрывшиеся внезапной испариной лбы, не шутя волнуясь о сияющей оперением птице, угнездившейся под куполом, на потеху им.

Впрочем, не доставляя никому удовольствия заметить своей боли, она складывает тонкие губы в привычный бант улыбки, что, срываясь с уст лепестками, непривычно искренна. Её взгляд вызывающ и доверху полон куража, без которого с манежа не уйти живым. Она умеет держать в руках не только себя, а буквально сомкнув челюсти округ обёрнутого кожей зубника, ещё и партнёров, семью, друзей.

Утро.

– Ты знаешь, у тебя тяжёлый характер.

– Знаю, зато я лёгкая на подъём! – Улыбается она, обнажая задорные зубки.

– Удивительно, как это они у тебя ещё целы, – восхищаюсь я, и она, поддавая жару, смеётся чуть ярче:

– Ну, дык! Потому что! Ешь, давай, остынет!

– А ты?

– Ты уже с тренировки, а я только что встала.

Я строю потешную жалостливую рожицу, и она прекращает надрывный хохот. На лице становятся заметны грустные глаза, красивый лучик морщинки у левого глаза, два похожих у правого:

– Ладно, я кофе с тобой попью.

Мы сидим, вяло обсуждаем многочисленные пустяки, и молчим о немногих важных вещах. Чего попусту трепать то, что дорого?

– Ты – моя совесть. – Фраза, обронённая ею однажды, тот булинь², который, в отличие от очевидного, не развязать.

Птицы перелетают полукружиями с ветки на ветку, невидимые миру лонжи удерживают их от падения, раскрываются ветром складки плаща крыл, туго растягивая строчки, так что видны расшатанные махами перьевые сумки.

Легко и радостно глядеть на птиц снизу, задрав голову, а как им там одним, в вышине?..

² Беседочный морской узел, который никогда не затягивается "намертво", не портит трос, никогда не скользит вдоль троса, сам не развязывается и легко делает это, если нужно.

Геккон

Ночь, наряжаясь, прицепляла орден месяца то там, то сям, но никак не могла отыскать ему места. Куда его не приставь – везде он был сиятелен и всюду хорош, по любую из сторон океана, разумеется, если судить про него по-человечески.

Поигрывая перстнями присосок, гекконы глядели на мою возню в огороде. Белое полотно забора удачно оттеняло их зелёные трико. Задолго доньше махнув рукой на то, что соседи вновь сочтут меня сумасшедшей, я сердечно здороваюсь с ящерками и те, давно зная меня и по голосу, и в лицо, дружно кивают в ответ:

– Здравствуйтесь, мои хорошие! Здравствуйтесь!

Осматриваю всю компанию. Гекконы прожорливы, запасливы и от того широкие, гладкие от чрезмерной сытости их хвосты округлы и на вид как бы подбиты ватой. Дутые полированные бусины глаз также полны, – интереса к жизни и азарта к её течению. Спустившись к моим ногам, где на широких листьях травы скопилась роса, гекконы с жадностью пьют, спокойно снося моё деликатное, но не скрытное присутствие. Я занимаюсь своими делами, ящерки своими. Единственная предосторожность – смотрю себе под ноги с большим противу обычного тщанием, чтобы не наступить на

геккона ненароком. И вдруг замечаю, что один из них как бы в плену прозрачной пелены, будто в лаке плаща. Озираясь, время от времени ящерка дотрагивается до спины языком, словно пытается сдёрнуть с себя лишнее.

– Давай помогу, предлагаю я, – и делаю шаг к ней навстречу. Геккоша едва заметно отступает от меня, как бы отказываясь от помощи.

Не считая возможным настаивать, я вновь принимаюсь заниматься делами, но поглядываю, всё же, в сторону ящерки. Вдруг той понадобится-таки моё участие.

Солнце начинает ощутимо припекать, и в какой-то момент я замечаю, что лак на теле геккона мутнеет, и при каждом повороте его головы, теряет некую часть, исчезая в очерченном розовым зевке.

Геккон, отметив моё несправедливое искреннее беспокойство, подошёл ближе и вновь наглядно лизнув спину, шумно глотнул при этом.

– Ах! Так вот это что! – Радостно воскликнул я. – Судя по всему, ты раздобыл себе на завтрак яичницу и готовил её на солнце!

Геккон не моргая, ласково посмотрел на меня, облизал правый глаз и сделал ещё один шаг навстречу, согласно чирикнул для верности, после чего, весело шлёпая ладошками по забору, вернулся к своим.

Мне стало так славно на душе. Мы разобрались, мы по-

няли друг друга, – милый симпатичный ящер и я! Это звонкое чувство единения переполняло меня до краёв, и, не видя иного выхода, я засмеялся и запел, разговаривая с травой, цветами и бабочками. С миром, которому никогда не буду чужим.

СЛИВКИ

...Вода у берега вспенилась, выкатив глаза по-лягушачьи, но это была не она. То, потревоженный рыбами, пускал пузыри пласт водорослей, скрадывающий неровности дна. Принимая несогласие с его мнением о жизни в пруду за враждебность, полотно зелёного маслянистого слоя пучило, но бежать он не мог, ибо вне своих границ, был беспомощен и обречён...

За окном стало тихо. Ни ленивого вздора псов, ни надрывного клохтанья, ни бляения коз через губу. Все деревенские звуки как бы замерли вдруг беспричинно, сами собой. Припомнив, что такое случается перед солнечным затмением, либо если земле вздумается избавиться от лишнего, скопившегося в её нутре жара, я решил выйти во двор, чтобы поглядеть, что к чему.

Обе собаки сидели молча, забившись в одну будку, там же, вместе с ними сидел и кот. Собственно говоря, их на хозяйстве было тоже два, но второго, проказника и баловня, после съеденной недавно целой плошки снятых сливок, дальше веранды в дом не пускали. Куры, вместо того чтобы расцарапывать округу, в поисках красивых камешков, приятных их мускулистым желудкам, предпочли забраться посреди дня на насест. Ну, а козы, кажется, даже перестали жевать, и осте-

регались переставлять обутые в копытца ножки на скрады-
вающем шаге пружинном ковре сена в стойле.

– Галя, выйди, неладное что-то делается, – крикнул я в окошко жене, но та не спешила выйти, сославшись на домашние дела.

– Чегой-то я там не видала, – приоткрыв форточку ответила она и спряталась за занавеской.

– Ну, ты и трусиха! – Покачал головой я, хотя, если, по совести, звал Галину во двор себе на подмогу, от того, что одному было жутковато слышать воцарившееся там безмолвие.

Оглядевшись по сторонам внимательнее, я заметил, что затаившие дыхание домочадцы с особым усердием минуют тропинку, ведущую на огород, а касаясь её случайным взглядом, мимоходом, – прижимают уши. Куры же, те просто прятали голову под крыло, изображая дремоту.

Прихватив вилы, я направился в огород. То, что происходило там, между грядками помидоров и моркови, не поддавалось описанию. Наш Стёпа, любитель сливок и гроза всех окрестных котов, гарцевал верхом на змее, вцепившись ей в шею чуть пониже затылка. Это был не безобидный уж, а взрослая гадюка, которых, по словам соседей, было как-то слишком уж много этой порой. К нам во двор гадюка заявила впервые.

Змея со знанием дела хлестала Стёпку хвостом, будто резиновым шлангом, от натуги у кота шла носом кровь, иногда он отчаянно взывал, но видел ли хотя что-то, мог ли слышать, в том я не был уверен. Самое неприятное, что, используя я вилы, то ненароком мог задеть кота, а это было бы слишком несправедливо, по-отношению к нему. Степан ввязался в бой, защищая нас всех, а я, хозяин, никак не мог ему помочь, и держался поблизости лишь затем, чтобы прикончить змею в случае, если Стёпка сможет отскочить в сторону от неё.

Но мгновения копились в минуты, те собирались в четверти часа, а кот всё удерживал голову гадюки в том самом положении, в котором ухватил. Он явно решил биться до победы, и спустя два часа дело было кончено. Встряхнув змеёй, как вялым дождевым червём, в последний раз, Стёпка с трудом разжал челюсти, и в траву упал застрявший там кусок гадюки. Кот брезгливо отвернулся и хотел было отойти, но ноги не слушались его. Он упал, едва ли окончив один шаг.

– Ой, божечки... – жена, которая, как оказалось, стояла всё это время за моей спиной, подбежала к Стёпке, схватила его и, закутав в передник, принялась баюкать, как младенца:

– Да ты ж моё маленькое, да ты ж моё дитяtko, – причитала она, а кот висел в её руках безвольно и умиротворённо. Он честно отработал сворованные сливки, и все те, которые ещё предстояло умыкнуть со стола.

Андрей

Закат прорисовал жёлтым карандашом стволы и по ним побежала густая розовая кровь. Крапива кивнула головой, без видимой на то причины. Исчез уж, оставив после себя лишь обёртку от длинного леденца на берегу. Под сводами арок вознёсшихся над водой листьев лилии, о чём-то чирикают рыбы... Это о людях. О тех, которых встречаешь, но понимаешь, каковы они, часто в пустой след, даже если дорожишь ими. Горечь утраты тем сильнее, чем меньшим радовал... или наоборот? Когда как, когда как...

Обычно, вне встреч в залах и библиотеках, я сторонюсь читателей, а тут, неожиданно, у гардероба, сквозь ворох жёлтых тюльпанов:

– Спасибо за ваше творчество. Вы прекрасный писатель, чуткий человек с огромным сердцем... Спасибо вам!

От калейдоскопа эпитетов запестрело в глазах, весь столб атмосферы разом юркнул в уши, так как слышать, что тебя хвалят, оказалось почему-то большее, чем получать оплеухи неприятия, презрения, высокомерия и насмешек. Да – большее, неприятнее. Мне было неясно, куда себя деть, и ничего внятного произнести не удалось, кроме как:

– Спасибо... неожиданно... И, только простите, но у меня аллергия на цветы.

Мужчина моментально завёл руку с букетом за спину, и почти не глядя, отбросил их в урну.

– Ого! – охнула я. – Попал!

– Так я тренер, – мягко и смущённо улыбнулся он. – Вы простите, я про аллергию не знал.

– Да, не страшно, откуда бы вам. В любом случае, спасибо, а цветы жалко. Только вот, мне нечем вас отдарить, всё роздано. Будете в Москве, заходите за книжками, если интересно... бумажные ... всё же – иной мир!

– Спасибо огромное! Я к вам, с теплом души... Но я в Москве точно не буду. Живу в Тюменской области.

– Хорошо, давайте адрес, пришлю по почте.

После того, как посылка с книгами отправилась адресату, я получила весточку в несколько слов, которые опять едва смогла вынести. Волна восхищения, равнозначная удару судьбы, сбила с толку, как с ног:

– Нет предела восторга!!!! Безграничное спасибо, и еще раз спасибо за Ваш сюрприз!!!! Не знаю, как и каким образом Вас благодарить. Огромной, нет Величайшей души, Вы человек с Огромной и Большой буквы. Не знаю, как и чем, каким образом расположил к себе Ваше доброе отношение. Так не бывает в нашей настоящей и реальной жизни. Такое трудно было представить даже в самом радужном, светлом сне. А сказка есть, она существует. Добро всегда и во всем превалирует. Спасибо, миллион раз спасибо. С огромным и

превеликим уважением к Вам и Вашей душе... Такое никогда, слышите меня, никогда не забудется. Это вечно. Дай Вам Бог всего, Человек из сказки.

Спасибо огромное!

Уважаю, преклоняюсь и боготворю Вас и Ваше мегакосмическое и не земное творчество. Вы по для меня Волшебница из сна и реальная фея нашего времени, наделенная Величайшим Даром, нести в дома, души, сердца людей радость и тепло, счастье и наслаждение. Вы – Радуга мира. Мерцание звёзд меркнет пред Вами. А Тьма пугливо и трусливо прячется при Вашем появлении на горизонтах небосклонах Вселенной. В Вас невероятная сила добродетели, с помощью которой решаются многие мирские вопросы на земле. Вы – Богиня своего рода. Мне лестно, хотя бы частично, быть в соприкосновения с такой творчески невероятно одаренной и потрясающей Женщиной современности. Спасибо Вам. С уважением. Кузьмин

Да, я не упомянула имя автора этих слов, его звали Андрей, Андрей Владимирович Кузьмин.

Не знаю, как принято отвечать на подобные речи. Быть может, кто-то теплеет от смущения, иной принимается гордиться собой, а я испытала испуг. Слова обжигали, как случайно найденное, ненужное сокровище, ценность которого очевидна, но напрасна. Я была совершенно не готова при-

нять сей дар. Словно не мне предназначенный, он чудился украденным, незаслуженным, будто пиджак с чужого плеча.

Конечно, я написала ответ, где, не таясь, упомянула и про смущение, и о собственной ответственности, когда читатели реагируют так, как он, и про то, что «не всем это дано»... Мне показалось, что Андрей понял моё замешательство, а, может и разочаровался таким сдержанным ответом, но перед новым годом я получила записочку вновь:

«Сказочное преддверие Нового Года наполнило все вокруг особенным ароматом праздника, некой неповторимости Величия и ощущения неподражаемого Таинства. Мир на какое – то время перестал существовать в своём измерении, превратившись в некую Страну Чудес, в которой главное место принадлежит Вам. Потому что это Ваш трон, это в Ваших руках волшебная палочка, потому что Вы первая фея на этом феерическом балу. Спасибо за полученные эмоции впечатления. Так умеют преподнести подарки-сюрпризы, только редкой души люди. Спасибо за Ваше доброту и теплоту. С уважением, Кузьмин.

Постскриптум.

И, конечно, с Новым годом. Творческих новинок, здоровья и сказочного настроения.. Совсем забыл об этом.»

На этот раз испуга было поменьше, судя по всему, я начала привыкать к хорошему, и наверняка вошла бы во вкус, но, спустя некоторое время, получила ещё одно письмо, в кото-

ром была единственная строчка, два предложения, сравнимых с последним биением сердца:

«Андрей Владимирович умер. Не знаю, как пережить эту боль.»

Думая об Андрее теперь, изнывая под бременем совести, спрашиваю себя часто, – не обидела ли нечаянно человека, не оттолкнула ли ненароком, и почему мы живём в постоянном ожидании подвоха, а наивная искренняя радость, душа, распахнутая навстречу, заставляют нас прятаться, забиваясь в раковину так глубоко, что после уже не отыскать оттуда пути назад.

Старушка и земляная лягушка

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была лягушка. Большой ломоть земли у кромки реки, что простирался аж до самого леса, достался ей от пращуров, которые через черёд бабушек и дедушек передали её родителям. Почва в тех местах была не слишком жирной, поэтому люди долго обходили её стороной. Но вот, когда человек народилось больше прежнего, и уже примятые шагами тропинки оказались им тесны, пришлось разнашивать иные неведомые места. Так люди и дошли на самый дальний, ближний лягушачий край.

Натаскали они туда палок да досок, понастроили себе шалашей да навесов, и стали жизнь проживать, кормились тем, что выросло, голодали без того, что не взошло. Надо сказать, что люди оказались незлобивыми, понятливыми, лягушат малых да ящерок не трогали, уважительно обходили стороной, смотрели себе под ноги, чтобы невзначай кого не придавить, и детям своим наказали держаться того ж.

Видят лягушки, – люди добрые, невредные, надо им подсобить. Пододвинули свои терема подземные, посторонились, и – нет-нет, да прогонят того, кому испортить чужое – забава да удовольствие. Люди в благодарность и водицы нальют, и малым поделятся.

Как ни много было у них дел-забот, а заметили не едино-

жды, что большая чёрная земляная лягушка, судя по стати, глава в роду, устроила свой дом в сараюшке. Больше-то во дворе места не осталось с исконной родной землёй, всю заставили, засадили да присыпали, а вот под тем самым сараем оказалась она нетронутой, – и дышит иначе, и вздыхает легче прочей.

Целый день дверь в сарай была незаперта, и лягушка спокойно ходила туда-сюда, строила трёхэтажную нору, воспитывала малышню, а, заодно, присматривала за старушкой, которая, в свой черёд, присматривалась к ней.

– Ну, и что ты тут? – Притворно возмущалась женщина.

– А где ж мне ещё? – Искренне изумлялась лягушка в ответ.

По первости старушка выпроваживала её за ворота, теснила прочь, но каждое утро находила сидящей у входа в сарай, в неизменном ожидании, что отопрут двери.

– Опять?! – Воскликнула старушка, а лягушка, опираясь о порог, приподнималась над ним на руках, и, как сварливая рыночная торговка, принималась выговаривать тонким голоском:

– А ты как думала?! А сама-то! А сама!!!

Старушка хваталась за веник и, упрятав улыбку в неглубокие морщины щёк, бормотала, бережно сметая в совок сварливую соседку:

– Ну, я тебя... я тебе теперь... чтобы духу твоего не было тут больше!

– Ага, сейчас! – Задорно огрызалась лягушка, и на следующее утро вновь поджидала внутри сарая, пока ей откроют дверь. А после, предвкушая очередное выдворение, вовлечённая в повторяющиеся приключения нового дня, с видимым удовольствием, без какого-либо принуждения запрыгивала на совок сама.

Чёрная земляная лягушка... Да будут долгими радости твоей светлой души.

Жизнь на колёсах

I

В ожидании работы, мы репетируем. Как бы ни был долог вынужденный простой, выбиваться из рабочего ритма нельзя. Режим, однако!

Кошки в вольере волнуются. Они знают, что я нарезаю мелкими кусочками мясо. Его запах манит и дразнит, приятно тревожит, придавая любому неестественному движению осмысленность, сглаживает перчинку принуждения, хотя, возведённое в степень привычки, оно теряет свою остроту. Берёт над тобою верх. И, распробовав его вкус, ты перестаёшь считать себя лишённым свободы выбирать из двух зол то, что кажется меньшим.

– Алле! Ап! Ай, бравушки! Ай, молодец! – Кошки играют в своеобразие, подчиняются напоказ неохотно, но в самом деле давно привыкли и к ритму движений и слов, чем прочно связали себя с людьми, от которых не видели ничего, кроме заботы, ласки, вдоволь вкусной еды...

– Барьер! Ай, бравушки!

– И не унизительно, не обидно ли?

– А... вы про это?! Так то всё так только, развлечение, за-

бава. Кому-то, – сидеть в грязном подъезде, ожидая пинка и объедков, другим сходить с ума в тиши квартиры, – вернуться ли хозяйева, иным ютиться в тёплом подвале, изнывая от невыносимого зуда, – блохи не церемонятся, обустроиваются основательно, гадают, как некоторые, там, где спят.

Каждый день, во время утренней репетиции, разношёрстный, в прямом смысле этого слова, коллектив, увеличивался на одну цирковую единицу.

Необычно крупная красивая кошка, присмотревшись однажды к тому, чем заняты товарки³, решила, что прокормиться таким манером ей вполне по силам, и, вовремя выходя из лесу, добросовестно отработывала все элементы программы. Получая вознаграждение, удалялась прочь довольной, но чем-то озадаченной, словно обдумывала нечто, суть которого оставалась для нас загадкой некоторое время, а разрешилась меньше, чем через три недели.

На очередную репетицию кошка явилась в условленный час не одна. Котята-близнецы, сопровождавшие её, были малы и милы. Мама завела их в манеж, наскоро расцеловала, недвусмысленно подтолкнула в нашем направлении и скрылась из виду, с лёгким сердцем переложив заботу о детях на людей.

Очевидно, сами того не подозревая, мы выдержали какое-то испытание, хотя не делали ничего специально, посту-

³ товарищ

пали, как привыкли, кошек любили искренне, как младших сестрёнок, которых надо оберегать. Относились к ним по-товарищески... А как иначе-то?! Работаем вместе! Бок о бок и тяготы переездов, и праздники, и обыденность.

Маша и Даша, так мы назвали котят, тех, что передала на воспитание дикая лесная кошка, отработали в номере десять лет, после чего также, вдвоём, вышли на заслуженный отдых, и скрашивают теперь будни одинокой американской старушки, которая, подчас, отказывая в необходимом себе, балует милых компаньонов.

II

Рассказы о кошках всегда имеют начало, но не оканчиваются они никогда.

Сразу после того, как мы перебрались в другой штат, первая же утренняя репетиция прошла вприглядку. Усевшись на виду, за нами внимательно наблюдала кошки афроамериканской, ха-ха-ха, масти. На вид, даже не взыскав документов, ей можно было дать примерно двенадцать – тринадцать месяцев.

Словно сверяясь с текстом телеграммы, посланной лесной кошкой, она отслеживала порядок действий, который позволяет получить ... блестящий нос пошмыгал в направлении сумочки на поясе... да, точно, так и есть – нормальное, вкусное мясо.

Стоит ли сомневаться, что на следующее утро в нашем коллективе появился ещё один хвостик. Аза, так называли кошку, активно и непринуждённо отработывала положенное, но после окончания номера неизменно исчезала.

Накануне отъезда мы предложили ей на выбор, – ехать с нами или прощальный кусочек мяса. Аза гордо подняла голову, дёрнула бровью над зелёными раскосыми очами и запрыгнула в машину, – на мясо она заработает и сама, даром ей ничего не надо, трогай, давай!

III

Вот не зря говорят, что девчонки корыстнее мальчишек. В нашем кошачьем коллективе был один парнишка, Мишка. Мы взяли его из приюта. Такой славный увалень, неповоротливый и неуклюжий на вид. Он неслышно прыгал, уверенно держал баланс и легко ходил на руках, а когда делал это, издали казалось, что это не кот, но маленький человечек в пушистой пижамке.

Мишка, как и все наши кошки, не испытывал недостатка ни в чём, но ему больше, чем кому-либо, была необходима уверенность в том, что он любим. Сиротское детство давало знать о себе, и, если иные трудились за кусочек мяса, то он предпочитал работать за любовь. Только она одна могла принудить сделать Мишку что-либо. Казалось, он упрямится иногда лишь для того, чтобы получить свою порцию ласковых прикосновений и добрых слов...

Всякий ищет в этой жизни то, чего ему не хватает. Если природа, наделив алчностью⁴, лишает возможности добыть это самому, к кому бежать?.. У каждого своя судьба, и что она припасла в сумочке на поясе для тебя, до поры до времени не узнать.

⁴ несытость

Если бы каждый...

Если бы каждый ребёнок был личностью, не оказалось бы вокруг столько несчастных взрослых.

– Ты что, не хочешь научиться рисовать? – Окрик учителя над ухом буквально пригвоздил меня к парте, казалось, ещё мгновение, ещё одно только слово, и я не смогу больше сойти с места никогда. Класс открыто смеялся, заискивая перед педагогом, а я тупо глядел под ноги впереди сидящего и слёзы предательски оглушительно барабанили по листку бумаги передо мной. Спрятаться было некуда, как не было и немедленного способа провалиться в тар-тарары.

О! Как я хотел рисовать. И как ненавидел в себе это желание теперь.

Каждый вторник я тайком забредал в читальный зал, где рабочие сидели с подшивками газет «Известия» и «Правда», выписывая что-то в тетрадки для политзанятий. Я же отыскивал никому неинтересные альбомы с репродукциями картин и рассматривая их, водил пальцем по бумаге, пытался понять загадку, нет – чудо движения руки, с зажатой в ней кистью, которое превращалось в чувство, осязание силы жизни и её бесконечности.

Конечно же, когда наш учитель истории объявил о том,

что после всех уроков будет ещё один, на котором мы будем учиться рисовать, я так обрадовался, что едва дождался окончания занятий.

И вот, я сидел и даже не смел дышать носом. Мне всегда казалось, что он у меня слишком уж сопит. Но едва лишь, тихонько впуская воздух через рот, услышал, что: «На этом уроке мы будем учиться рисовать утку.» – то закашлялся от неожиданности. Мне казалось, что начинать постигать тайны искусства рисования надо с человека, а утка... Что такое оно, эта утка? Птица, к тому же неживая. Но делать было нечего, её чучело уже взирало плексигласовыми глазками на класс с учительской кафедры.

– Итак, рисуем большой круг, и чуть повыше – меньший. Это будет тело утки и её голова. Соединяем круги плавными линиями, и птица готова, – Учитель бесстрастно перечислял этапы построения изображения. Точно так же можно было бы растолковать, как сколотить табурет или скворечник. Сколь не пытался, я не мог отыскать хотя толику волшебства, и трепета, который овладевал мной подле любой настоящей картины.

Я, конечно, начертил эти два дурацких круга, но больше ничего делать не мог, только сидел и горестно рассматривал их. Совершенно не хотелось объединять круги штрихами или пунктиром. Они были ненавистны мне и чужими друг другу.

Много позже, когда в душе слегка побледнел малиновый след оплеухи того урока, и я смог без опасения брать в руки карандаш, то давал ему полную волю. Минуя околичности правил рисования, оборотясь к одному лишь сердцу, он вёл меня за собой туда, где мир выглядел таким, каким я его знал и любил.

Я не срисовывал жизнь, но рисовал её, и у уток, что выплывали на озёра с кончика моего карандаша, были живые потешные лица и умные чёрные глаза, которые блестели, как мамины бусы, которые она надевала каждый девятый день мая, в День Победы.

Если бы каждый взрослый был личностью, не оказалось бы вокруг столько несчастных детей.

Черепаша

Эти черепахи замирают на дне, широко открыв рот, в глубине которого заманчиво ворочается нежно-розовый червячок кончика языка, пройти мимо которого, не соблазнившись аппетитным видом, удаётся не каждой рыбе.

– Знаешь, у них очень вкусное белое мясо!

– Вот, видимо, поэтому такой скверный характер.

– Не вижу связи...

– Они защищают своё право не превращаться в черепаший суп или жаркое! Чего тут непонятного?

Это теперь я знаю о грифовых черепахах⁵ довольно много, и, невзирая на их сомнительную внешность, испытываю симпатию. А в пору нашего знакомства...

– Ой, что это там? Камень?

– Нет, оно ползёт. Похоже на черепаху.

– Видимо, это она и есть.

Мы выходим из машины. Скрытая панцирем в зелёных пятнах мха и водорослей, черепаха подобна обломку шпилья

⁵ *Macrolemys temminckii*

башни изумрудного города. Она вдумчиво пересекает дорогу из пункта А к озеру неподалёку, вода которого кипит на медленном огне солнца.

– Росту в черепахе ровно аршин⁶, если по-нашему, ну, а по-ихнему – два с лишним фута⁷.

– Но ногу бы я ей в рот совать не стал!

– Да, ладно тебе! Это ж черепашка! Возьми её, перенеси через дорогу, а то сама она долго тут будет возиться. Передают её, чего доброго. Жалко же.

– А меня не жалко?

– Палку возьми...

Едва черепаха почувствовала прикосновение, как прервала высмеивающую ходьбу пантомиму, и, развернувшись резко, кляцнула клювом, раздробив палку, словно песочное печенье. Выдохнув по нашему адресу справедливое возмущение, она сверкнула подведёнными золотом очами, кокетливо моргнула длинными нитями ресниц и, как прежде степенно, продолжила свой путь.

– Знаешь, говорят, в неволе они живут чуть ли не в десять раз меньше, чем на свободе.

– Ещё бы, плен подходит далеко не всем...

– А ты? А тебе?!

⁶ 71, 12 см

⁷ единица измерения, равная 30 см, или средней длине ступни человека

Он улыбнулся лукаво и, притянув меня к себе, спросил:
– Я в плену?! Ну, если так, то я доволен.

– Блюдо дня – черепаховый суп.

– Нет, только не его! Несите лучше рыбу.

Мотя

На нашей параллели канула в Лету одиннадцатилетка. Мы были горды, что первыми заканчиваем школу на год раньше остальных. На выпускном условились собираться каждый второй вторник сентября, и в первую же нашу встречу пришёл Сашка Матвеев. Покачав головой перед нашим завучем, он сокрушённо, в сердцах проговорил: «Зря вы мне не дали доучиться, Мариванна, я так не хотел уходить из школы». И в его словах было столько боли, что учитель, сославшись на занятость, поторопилась уйти. Сашка, конечно, был не единственным, кого не взяли в девятый. Из трёх восьмых сделали два класса, а всех, кто не дотягивал, отправили в училища. Кого в техническое, кого в ремесленное.

С Мотей, так звали ребята Сашку Матвеева, мы не были закадычными друзьями. Но мне было приятно чувствовать себя его однокашником. Он приходил в школу откуда-то издалека, поэтому мы встречались только в классе. Однажды на уроке рисования из альбома Сашки выпал листок, я поднял его и, пока нёс, чтобы вернуть, успел рассмотреть нарисованный там грузовой паровоз. К тому времени я уже точно понимал разницу между пассажирским и грузовым. Когда мы ездили с дедом в Курск, то выходили на остановках, гуляли по перрону. Пока я съедал шарик мороженого,

держа его между двумя вафельными кружочками, дед выкуривал пару папирос, прикуривая одну от другой и отвечал на все мои вопросы: зачем у паровоза впереди красная звёздочка, сколько ему нужно воды и почему у пассажирского колёс меньше, чем у грузового.

И, хотя сашкин паровоз был без звезды, и сколько на нём колёс не было видно тоже, но он летел, летел, летел, минуя полустанки и переезды, из глубин бумаги, по странице, так скоро, что норовил сбить меня, стоящего у него на пути... Семафоры салютовали ему, а полные женщины в бушлатах, туго перетянутых солдатскими ремнями, размахивали маленькими яркими флажками вослед...

Сашка не стал тянуть листок с паровозом у меня из рук, а, поглядев в глаза, коротко сообщил: «Нравится? Дарю!»

– Мне?! Нет! Нет! Не могу! – с испугом отказался я, и тотчас пожалел о своём порыве, но попросить рисунок назад не решился.

В те годы, наверное, мы больше дорожили друг другом. Не у всех в классе были отцы. Те, у кого они были, казались удачливее прочих, им завидовали, случалось, что били. Из-за несправедливости, с которой столкнула их война. Ведь как было понять, отчего кто-то вернулся с фронта, а кто-то нет. За что?! Наказание безотцовщиной перенести было нелегко. Оно не менее страшно, чем вдовство, но неодинаково горь-

ко.

Ощущение обделённости судьбой кого-то озлобляло, на ком-то ставило печать бесконечного одиночества, и Мотя решил побороться с этим так, как умел. На большой перемене мы обыкновенно шли в буфет, покупали по одному, ржавому со всех сторон, жаренному пирожку с ядрёным, сладким до слёз повидлом и стакан чаю. Пирожок у нас, мальчишек, как-то слишком быстро заканчивался, расправившись с ним в три, а то и в два укуса, сразу хотелось ещё. Поглядывая на девчонок, мы жутко страдали от того, что они умели долго есть этот пирожок, отщипывая от него передними зубами по маленькому кусочку, как кролики.

И вот, в один невероятный день Сашка вошёл в класс, прижимая к себе серый кулёк, доверху набитый пирожками. Розовый от смущения, привычно заменяя звук «л⁸» на другой, он сообщил:

– Предвагаю поесть пирожков! Кому...

Что тут началось!!! Он едва успел договорить, как мальчишки и девчонки обступили его со всех сторон:

– Дай!

– Мне!

– И мне!

– И мне!!!!

Поднялся шум, допустить возможность существования

которого в школе было просто немыслимо. Директор, немедленно пришёл выяснить в чём дело, и, быстро успокоив класс, грозно наклонился к Сашке:

– Ну-с.... и что это всё значит, молодой человек?!

Матвеев аж вспотел, но не заставил долго ждать ответа:

– Я копив-копив, копив-копив и купив! Чтобы два всех!

Чтобы угостить!

Оказалось, что Сашка целых две недели во время большой перемены отсиживался в подвале у тёти Паши, которая заведовала раздевалкой. Эта весёлая крошечная старушка, получив похоронки на мужа и трёх сыновей, немного тронулась умом, и когда ребята забежали в подвал после уроков, то, отпирая замок раздевалки, поднимала над собой швабру и кричала «За Родину! За Сталина!» Мы все любили её, и считали своей в доску.

– Матвеев, – строго спросил директор. – Так что ты там делал, в раздевалке?

– Ждал!

– Чего?!

– Пока денег наберу.

– А почему в подвале?

– Там пирожками не пахнет, кушать хочется меньше...

Сашка был прав, в раздевалке у нас пахло дезинфекцией

и мышами.

...На следующий год, во второй вторник сентября Мотя в школу не пришёл. Пропускал теперь эти встречи и я, в его отсутствие делать мне там было нечего. Он оказался, как говорят, душой класса, а без неё долго не живут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.